

M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015. ix, 667 p. (Typological Studies in Language, 108.) ISBN 978-9-02720-689-3*.

Иван Андреевич Стенин

Ivan A. Stenin

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 105066,
Российская Федерация; ystein88@gmail.com

National Research University Higher School of Eco-
nomics, Moscow, 105066, Russian Federation;
ystein88@gmail.com

Уральские языки достаточно хорошо известны в типологической литературе, не в последнюю очередь благодаря преобладающей в них стратегии образования стандартного отрицания: в большей части уральских языков в его формировании участвует отрицательный глагол, выражающий лично-числовые противопоставления, а иногда и значения ряда семантических глагольных категорий, в частности времени, тогда как смысловой глагол обычно принимает специальную форму так называемого коннегати́ва. По крайней мере в некоторых уральских языках выражение как стандартного, так и других видов отрицания в значительной степени дифференцировано в зависимости от ряда параметров и общее число самих показателей и стратегий образования отрицания приближается к десяти или даже превосходит это значение, как, например, в мордовских языках. Таким образом, отрицание можно назвать своеобразной «роскошью» (luxury) уральских языков, если воспользоваться недавней метафорой Р. Диксона [Dixon 2016].

Однако, несмотря на богатый в этом отношении материал уральских языков, его явный интерес для типологического и теоретического языкознания и даже определенную известность [Dahl 1979; Comrie 1981], до сих пор, как кажется, не было специального описания, которое рассматривало бы отрицание в уральских языках в целом. Разумеется, интерес к этой области существовал в уралистике давно. Известны работы, посвященные отрицанию в отдельных уральских языках или группах языков и выполненные в рамках традиционного финно-угроведения, а также обзорные статьи [Honti 1997a; 1997b; 1997c] (см. подробную библиографию в этих статьях). Из недавних типологически ориентированных описаний следует упомянуть монографию [Wagner-Nagy 2011], где предметом детального анализа стало отрицание в самодийских и обско-угорских языках в типологической перспективе. Тем не менее необходимость в обобщающем справочнике по отрицанию в уральских языках оставалась насущной. В этой связи выход рецензируемого сборника представляется чрезвычайно актуальным.

Сборник, являющийся результатом многолетнего коллективного проекта, состоит из трех частей. Во **введении** (М. Миестамо, А. Тамм, Б. Вагнер-Надь) дана основная информация об уральских языках (традиционная генеалогическая классификация, территория распространения, социолингвистический статус, важнейшие типологические особенности), отрицании и статьях, включенных в сборник. По словам редакторов (с. 1—2), одной из основных целей проекта и сборника было показать на примере систем отрицания в уральских языках преимущества, которые получают лингвистическая типология и частное языкознание, когда они влияют друг на друга.

Специальным **приложением** к введению опубликована анкета, которой руководствовались авторы сборника при описании отрицания в отдельных языках. Анкета представляет собой иерархически упорядоченный список исследовательских вопросов, которому должны были следовать авторы отдельных глав:

* Работа поддержана грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

- 1) основная информация о языке;
- 2) клаузальное отрицание:
 - 2.1) стандартное отрицание,
 - 2.2) отрицание в вопросительных и неиндикативных клаузах,
 - 2.3) неглагольное отрицание,
 - 2.4) отрицание в зависимых клаузах,
 - 2.5) другие аспекты клаузального отрицания;
- 3) неклаузальное отрицание:
 - 3.1) отрицательные ответы,
 - 3.2) неопределенные местоимения и наречия и отрицание,
 - 3.3) показатели каритива (абессива, приватива),
 - 3.4) прочие отрицательные конструкции и выражения;
- 4) другие аспекты отрицания:
 - 4.1) сфера действия отрицания,
 - 4.2) отрицательно поляризованные единицы,
 - 4.3) падежное маркирование в отрицательных предложениях,
 - 4.4) эмфатическое отрицание (reinforcing negation),
 - 4.5) отрицание в сложных предложениях,
 - 4.6) прочие аспекты отрицания.

Основную часть сборника составляют описания систем отрицания в 17 уральских языках, выполненные в соответствии с этой анкетой. Выбранные языки представляют все традиционно выделяемые группы уральских языков:

- a) самодийские: лесной энецкий (Ф. Сигл), тундровый ненецкий (Н. Муш), нганасанский (В. Ю. Гусев), селькупские диалекты (Б. Вагнер-Надь);
- b) угорские: восточнохантыйский (А. Ю. Фильченко), северномансийский (К. Шипёз), венгерский (К. Э. Киш);
- c) пермские: коми-зырянский (А. Хамари), удмуртский (С. Едыгарова);
- d) мордовские: эрзянский (А. Хамари, Н. Аасмяе);
- e) марийские¹ (С. Сааринен);
- f) саамские: южносаамский (М. Миестамо, Э. Копонен), колтта-саамский (Р. Блокланд, Н. Инаба);
- g) прибалтийско-финские: эстонский (А. Тамм), ливский (Х. Метсланг, К. Паюсалу, Т.-Р. Вийтсо), финский (М. Вилкуна), водский (Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус).

Заключительная часть сборника включает пять статей, объединенных по остаточному принципу. Две из них — статья Л. Ван Алсеной и Й. ван дер Ауверы «Indefinite pronouns in Uralic languages» и статья Л. Веселиновой (при участии Х. Хиргод) «Special negators in the Uralic languages: Synchrony, diachrony and interaction with standard negation» — являются обобщающими и учитывают данные большинства уральских языков. Другие три статьи посвящены отдельным, не связанным друг с другом, проблемам: статья Ф. Кифера «The privative derivational suffix in Hungarian: A new account», статья Ш. Шоша «Negation in Eastern Khanty narratives from the perspective of information flow» и статья Дж. Манцелли «Mutual influences in negative patterns between Finno-Ugric and Turkic languages in the Volga-Kama area». Кроме того, сборник содержит предметный указатель и список сокращений.

¹ Во введении мордовские и марийские языки объединены под названием волжских, хотя на настоящий момент большинство исследователей сходится во мнении, что подобной языковой общности не существовало.

В целом представленный набор языков выглядит весьма репрезентативно, а авторы большинства статей являются признанными специалистами по «своим» языкам, к тому же многие из них уже имели до этого опыт исследования отрицания.

Разумеется, статьи, написанные в рамках одного проекта по определенному плану, имеют как свои преимущества, так и свои недостатки. С одной стороны, такой книгой гораздо удобнее пользоваться типологу и любому лингвисту, перед которым стоит задача сопоставить данные различных языков, поскольку в каждой статье так или иначе будут содержаться ответы на одни и те же ключевые вопросы, даже если эти ответы отрицательные. Так, например, в большинстве статей сборника в пункте 4.3 анкеты указано, что отрицание не влияет на падежное маркирование аргументов, — за исключением статей по прибалтийско-финским языкам, в которых это влияние имеет место. С другой стороны, читать такую книгу последовательно, как non-fiction или художественную литературу, уже несколько сложнее, чем сборник проблемных статей, поскольку глаз устает от единообразия. В то же время нельзя не признать, что редакторам сборника удалось соблюсти в своих рекомендациях для авторов² баланс строгости и свободы, так что все 17 статей основной части — это несомненно разные статьи, написанные исследователями с разным научным опытом и разными интересами и уделяющими в зависимости от этого большее или меньшее внимание отдельным вопросам анкеты. Тем не менее мы не будем давать каждой статье первой части собственную характеристику, а лишь кратко перечислим основные закономерности, общие проблемы и наиболее примечательные особенности этих описаний.

Сопоставление отдельных языков в сборнике опирается на распространенные в типологии понятия клаузного и неклаузного, а также стандартного и нестандартного отрицания. Последние два типа выделяются внутри клаузного отрицания, при этом под стандартным отрицанием понимается основной способ отрицания утвердительных индикативных глагольных независимых клауз, то есть, выражаясь совсем неформально, такие отрицательные конструкции, которые используются в самых простых типах клауз. Дальнейшая классификация стандартного отрицания основывается, прежде всего, на том, является ли оно симметричным или асимметричным [Miestamo 2005]. В первом случае отрицательные конструкции отличаются от соответствующих утвердительных лишь наличием показателя отрицания, во втором имеются определенные структурные различия между утвердительными и отрицательными предложениями. Нестандартное отрицание, в свою очередь, включает отрицательные конструкции, используемые в следующих случаях: а) в предложениях, иллюстрирующих речевые акты, отличные от декларативных; б) в неглагольных предложениях; в) в зависимых клаузах.

Симметричное отрицание является единственной стратегией стандартного отрицания в угорских языках и основной — в ряде селькупских диалектов. Кроме того, симметричное отрицание возможно в качестве одной из стратегий стандартного отрицания в пермских и мордовских языках. В остальных уральских языках преобладает асимметричное отрицание. Это единственная стратегия стандартного отрицания в большинстве самодийских (за исключением селькупских диалектов) и прибалтийско-финских языков (за исключением эстонских диалектов), а также в марийских и саамских языках. Кроме того, она активно используется в пермских (в первом прошедшем и непрошедших временах) и мордовских языках (в первом прошедшем времени).

Интерес представляет то, какие грамматические категории выражаются на отрицательном, а какие на смысловом глаголе. Так, в большинстве прибалтийско-финских идиомов, в частности в литературном финском, отрицательный глагол «берет на себя» только выражение лица и числа.

² В данном случае множество редакторов является собственным подмножеством множества авторов.

(1) финский

- a. *Minä* *lue-n* *tä-tä* *kirja-a.*
я читать-1SG ЭТОТ-PART книга-PART
'Я читаю эту книгу'.
- b. *Minä* *lue-n* *tämä-n* *kirja-n.*
я читать-1SG ЭТОТ-GEN книга-GEN
'Я прочитаю эту книгу'.
- c. *Minä e-n* *lue* *tä-tä* *kirja-a.*
я NEG-1SG читать-CN ЭТОТ-PART книга-PART
1. 'Я не читаю эту книгу'.
2. 'Я не прочитаю эту книгу'.
- d. *Minä* *lui-n* *tämä-n* *kirja-n.*
я читать-PST-1SG ЭТОТ-GEN книга-GEN
'Я прочитал эту книгу'.
- e. *Minä e-n* *luke-nut* *tä-tä* *kirja-a.*
я NEG-1SG читать-PTCP.ACT.PST ЭТОТ-PART книга-PART
'Я не прочитал эту книгу'.
- f. *Minä* *ole-n* *luke-nut* *tämä-n* *kirja-n.*
я быть-1SG читать-PTCP.ACT.PST ЭТОТ-GEN книга-GEN
'Я читал эту книгу'.
- g. *Minä e-n* *ole* *luke-nut* *tä-tä* *kirja-a.*
я NEG-1SG быть-CN читать-PTCP.ACT.PST ЭТОТ-PART книга-PART
'Я не читал эту книгу'.

В примерах (1a—b) представлены утвердительные формы непрошедшего времени: в (1a) — с референцией к настоящему, в (1b) — с референцией к будущему. Предложение (1c) является одновременно отрицанием (1a) и (1b), показатели лица и числа выражены на отрицательном глаголе, а смысловой глагол стоит в специальной форме коннегатива, которая, впрочем, совпадает с формой императива 2 л. ед. ч. (в других языках это необязательно верно для всех глаголов) и представляет собой — по крайней мере орфографически³ — «чистую» основу. Несмотря на то что в финском нет грамматического противопоставления настоящего и будущего времен, в значительной части переходных клаузов, как в (1a) и (1b), на референцию к настоящему с большой долей вероятности указывает то, что прямое дополнение оформлено партитивом, а на референцию к будущему — то, что прямое дополнение оформлено каким-либо «тотальным» падежом, например генитивом, как в (1b). В соответствующих отрицательных клаузах, однако, такое семантическое противопоставление невозможно. Тем не менее отрицательные формы различают то же количество грамматических времен, что и утвердительные, но не за счет двух разных основ отрицательного глагола в прошедшем и непрошедшем временах (как, например, в пермских языках) и не с помощью дефолтного словоизменения на отрицательном глаголе (как, например, в северносамодийских), а перифрастически. В (1d) дана утвердительная форма прошедшего времени, а в (1e) — отрицательная, в образовании которой участвует тот же отрицательный глагол, что и в (1c), а смысловой глагол стоит в другой нефинитной форме — в форме

³ В действительности форма коннегатива, как и форма императива 2 л. ед. ч., по-видимому, оканчивается на нулевую морфему, вызывающую в значительной части идиолектов стандартного финского так называемое финальное удвоение (*loppukahdennus*), то есть если следующее слово начинается с согласного, то он удваивается, а если с гласного — на стыке возникает (двойной) гортанный смычный. Исторически обе формы оканчивались на *-k.

активного причастия прошедшего времени, изменяющегося только по числу. Та же нефинитная форма используется в перфекте, где финитные категории выражает глагол-связка *olla* 'быть' (1f). Как следует из (1g), в отрицательных формах перфекта в коннегативе стоит именно глагол-связка, поскольку смысловой глагол принимает нефинитную форму уже в утвердительной конструкции.

На другом «крайнем полюсе» — северносамодийские языки, в которых отрицательный глагол выражает и лицо, и число, и время, и наклонение, и даже отдельные аспектуальные деривации (но не залог!⁴). Что характерно, в северносамодийских языках отрицательный глагол имеет и значительную часть нефинитных форм, в отличие от всех остальных уральских языков. В традиционной самодистике отрицание неформально используется как своеобразная «лакмусовая бумажка»: считается, что при отрицании на отрицательный глагол «переезжает» выражение именно словоизменительных категорий, а все словообразовательные по-прежнему выражаются на смысловом глаголе, правда, здесь всегда приходится делать оговорки.

Традиционно считается, что именно северносамодийский тип был характерен для уральского праязыка [Honti 1997a]. Из языков с нерасщепленной системой ближе всего к северносамодийскому идеалу оказываются лугово-восточный марийский и коми-пермяцкий, в которых лицо, число и время последовательно выражаются на отрицательном глаголе. В большинстве уральских языков выражение отрицания зависит от времени или от лица, как в горномарийском языке. Наконец, отдельный случай представляет собой эстонский язык, в котором отрицательный глагол потерял словоизменительные возможности и является частицей, как в языках с симметричным отрицанием, однако смысловой глагол тем не менее стоит в коннегативе. Таким образом, финитные категории в принципе не выражаются в эстонской парадигме стандартного отрицания.

Для уральских языков еще в работе [Comrie 1981: 354] была предложена следующая иерархия, определяющая, какие глагольные категории будут чаще других выражаться на отрицательном слове, а не на смысловом глаголе:

(2) imperative > tense/person/number > mood > aspect > voice

В полном соответствии с этой иерархией залог в уральских языках никогда не выражается на отрицательном слове, аспектуальные противопоставления и наклонение (помимо императива) — крайне редко, лицо и число — относительно часто (при этом существенно чаще, чем время, так что объединение согласовательных категорий и времени в одну группу сомнительно). В императиве почти все уральские языки используют конструкции, отличные от стандартного отрицания, при этом «императивность» может быть выражена либо в отрицательном слове (стандартными средствами, с помощью супплетивной основы или комбинацией двух этих способов), либо получать двойное выражение: как на отрицательном слове, так и на смысловом глаголе. Во всяком случае, среди уральских языков нет таких, в которых императив при отрицании был бы выражен только на смысловом глаголе.

Классификация стратегий, использующихся при отрицании в императиве, основана в сборнике на двух параметрах: 1) совпадает ли отрицательная стратегия, использующаяся в императиве, со стандартным отрицанием; 2) совпадает ли маркирование императива с тем, которое встречается в утвердительных предложениях. Учет этих двух параметров дает простую четырехчастную типологию (см. табл., с. 136).

При этом четвертый тип, в котором и отрицание в императиве, и императив при отрицании маркируются особым образом, наиболее распространен в уральских языках. Второй тип (нестандартное отрицание, стандартное маркирование императива) также весьма частотен, тогда как первый (стандартное отрицание, стандартное маркирование императива)

⁴ Таким образом, замечание редакторов, что в нганасанском все глагольные категории выражаются в отрицательном глаголе (с. 16), все-таки неточно.

Таблица

Типология отрицания в императиве

№	Отрицание в императиве совпадает со стандартным	Императив при отрицании маркируется так же, как при утверждении	Пример уральского языка
1	+	+	нганасанский
2	—	+	селькупский
3	+	—	лесной энецкий
4	—	—	тундровый ненецкий

среди уральских языков, анализируемых в сборнике, встречается, помимо нганасанского, лишь в коми⁵ языках, а третий тип (стандартное отрицание, нестандартное маркирование императива) засвидетельствован лишь в энецком языке. К сожалению, по соображениям объема мы вынуждены опустить рассмотрение прочих типов нестандартного (и тем более неклаузального) отрицания.

Уральские языки впечатляют различными особенностями, имеющими отношение к отрицанию: венгерский — прежде всего стройностью базовой системы отрицания, в которой элементы *sem*, *se* и *sincs* при определенных условиях выступают на месте *nem*, *ne* и *nincs* соответственно (условия эти, правда, артикулированы в статье К. Э. Киш нечетко); удмуртский и марийские — наличием синтетического отрицания по крайней мере в части финитных глагольных форм; литературный коми-зырянский — возможностью употребления спрягаемого отрицания в одной клаузе с финитным смысловым глаголом для отрицания отдельно взятой составляющей. Однако больше всего поражает, на наш взгляд, материал нганасанского языка, как, впрочем, и в ряде других аспектов.

Основной отрицательный глагол *ñi-* в нганасанском, пожалуй, самый регулярный отрицательный глагол среди всех уральских языков. Он образует формы всех косвенных наклонений и большинство нефинитных форм, включая коннегатив. Последняя форма, правда, используется лишь в сочетании с другими вспомогательными глаголами, как в следующем примере.

(3) НГАНАСАНСКИЙ

ñukəgəð *maðajt'i* *mint'agəni* *ñi-²* *əki-ti* *hu-²*
 many visitor probably NEG-CN maybe-PRS.3SG.S want-CN

‘He probably doesn’t want to have many visitors’ (с. 108).

Вспомогательный глагол *əku-*, являющийся вершиной предложения (3), требует, чтобы отрицательный глагол, который от него зависит, стоял в форме коннегатива; в свою очередь, отрицание объясняет коннегативную форму смыслового глагола *hu-*. Схожее поведение демонстрируют также другие вспомогательные глаголы: *kasa-* ‘чуть не’, *ləði-* ‘тщетно’ и *ñuəli-* ‘конечно’. Некоторые нерегулярности тем не менее присущи и нганасанскому отрицательному глаголу.

В статьях первой части используются различные источники данных. Для литературных языков это, прежде всего, корпуса и специально отобранные коллекции текстов (в статье об эстонском, например, в качестве одного из основных источников используются речи бывшего президента Эстонии) или собственная языковая интуиция автора. Статьи о языках, у которых отсутствует сколько-нибудь длительная литературная традиция, основываются либо практически полностью на данных опубликованных текстов и грамматик (ненецкий, селькупский), либо на материале собственной интенсивной полевой работы автора с носителями языка (хантыйский, нганасанский). В ряде случаев авторы стремятся комбинировать все возможные источники информации. При этом большинство статей остается

⁵ При этом устроены прохибитивные формы в нганасанском и коми языках принципиально различным образом.

текстоцентричным, а отрицательный языковой материал в виде исключения встречается лишь в статьях о венгерском, финском, эстонском и мансийском языках.

Большинство авторов стремится соблюсти баланс между использованием первостепенных данных одного идиома или литературной нормы и привлечением диалектного материала, однако, например, в статье о селькупском автор, хотя и основывается на северноселькупском материале, пытается тем не менее охватить данные всех селькупских языков, что может несколько запутать читателя. С другой стороны, хотелось бы найти в сборнике информацию о диалектах «больших» государственных языков (венгерского, финского, эстонского), но авторы соответствующих статей ограничиваются лишь единичными упоминаниями диалектных данных.

Вопросы сферы действия отрицания и функции фразового акцента в отрицательных предложениях обсуждаются, прежде всего, в статьях К. Э. Киш, М. Вилкуна и С. Едыгаровой, тогда как другие авторы не уделяют этим вопросам должного внимания. Мало кто из авторов эксплицитно пишет о том, могут ли какие-то из отрицательных конструкций анализироваться как двойное отрицание, хотя в статье об эстонском можно найти пример даже якобы «тройного» отрицания (с. 420), взятый из староестонских текстов.

Лишь в статье об удмуртском упоминается своеобразное поведение показателя, образующего каритивные прилагательные, в сочетании с названиями парных частей тела. В подобных сочетаниях он обозначает отсутствие сразу обеих названных частей; ср. *pid-tem* (ногасар) 'безногий'. Для того чтобы отрицать наличие одной из парных частей, используется префикс *pal-*, например, *pal-pid* 'одноногий' (с. 283). Несмотря на то что схожие явления существуют и в ряде других уральских языков, в частности венгерском⁶, они не упоминаются в других статьях.

Авторы в общем случае крайне мало распространяются о семантике даже тогда, когда это, казалось бы, необходимо. Так, в статье о южносаамском сообщается, что для отрицания императива используются два отрицательных глагола: *aell-* в запретах, *oll-* в предостережениях (с. 382), однако примеров, подтверждающих эту закономерность, нет (и вообще в статье нет ни одного примера на глагол *oll-*).

Иногда отдельные авторы противоречат сами себе. В частности, на с. 61 утверждается, что энецкие глаголы типа *pirič* 'мочь', у которых есть антонимы со «встроенным» отрицанием (в данном случае — *lodič* 'не мочь'), не могут отрицаться с помощью отрицательных глаголов, в то время как пример 73 на с. 65 иллюстрирует обратное. Однако гораздо чаще в статьях можно встретить те или иные странные утверждения: конверб на *-š* в лесном энецком требует односубъектности (с. 59); в энецком существует связка *d'agu*, возможная только в третьем лице, и регулярный лексический глагол *d'aguš*, имеющий полную парадигму (с. 70); внешний вид одной из эмфатических клитик, присоединяющихся к отрицательному глаголу в тундровом ненецком, зависит от числа подлежащего (с. 97); коми языки (коми-зырянский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский) называются тремя диалектами (с. 239). Некоторые из подобных высказываний просто не соответствуют действительности, другие представляются как минимум спорными.

Охарактеризуем кратко вторую часть сборника. Л. Ван Алсеной и Й. ван дер Аувера в своей статье представили, пожалуй, первое типологически ориентированное сопоставительное описание неопределенных местоимений и наречий в уральских языках в целом. Авторы статьи выделяют четыре типа неопределенных местоимений и наречий, использующихся при отрицании: 1) морфологически отрицательные (исконные — в угорских языках, а также с заимствованным из русского показателем отрицания — во многих других); 2) морфологически неотрицательные местоимения и наречия, употребляющиеся исключительно в отрицательных предложениях (в частности, в северносамодийских языках); 3) местоимения и наречия с отрицательной поляризацией (*negative polarity indefinites*), то есть

⁶ В венгерском используется когнатный показатель *fél-*, при употреблении в качестве независимого слова имеющий значение 'половина', тогда как в удмуртском *pal* значит 'сторона'.

такие показатели, которые употребляются не только в отрицательных, но и в других контекстах снятой утвердительности (например, финская серия на *-(ka)An* может использоваться также в вопросах и сравнительных конструкциях); 4) нейтральные неопределенные местоимения и наречия (в частности, в эстонском, ливском, мордовских, восточнохантыйском). В языках, демонстрирующих последнюю стратегию, в ряде случаев высказывания с неопределенными местоимениями могут быть неоднозначными, ср. следующий пример из эстонского языка, где для подчеркивания отрицательной интерпретации может использоваться частица *mitte* (с. 531).

(4) ЭСТОНСКИЙ

<i>keegi</i>	<i>ei</i>	<i>mängi</i>	<i>malet</i>
who.INDEF	NEG	play	chess

a. 'Somebody doesn't play chess'.

b. 'Nobody plays chess' (с. 539).

Вне зависимости от конкретного типа все неопределенные местоимения и наречия в уральских языках требуют в отрицательных предложениях клаузуального отрицания. Сказать что-то подобное *I saw nobody* по-уральски в норме нельзя.

Статья Л. Веселиновой, написанная при участии Х. Хиргод, представляет собой попытку классификации типов нестандартного отрицания в 26 уральских языках, часть из которых не анализируется в основной части сборника. Показатели нестандартного отрицания, отличные от показателей стандартного отрицания, называются в данной работе показателями специального отрицания (*special negators*). В уральских языках исследователи выделяют три типа таких показателей: 1) используемые для отрицания экзистенциальных предложений (*negative existentials*); 2) используемые для отрицания таксономических предложений, предложений идентификации и характеристики (*ascriptive negators*); 3) используемые для отрицания любых неглагольных предикаций (*stative negators*). В статье также уделяется внимание диахроническим источникам показателей нестандартного отрицания. В последней части на материале уральских языков тестируется диахроническая модель У. Крофта, согласно которой показатели стандартного отрицания происходят из показателей экзистенциального отрицания. Статья содержит 18 страниц приложений, среди которых таблицы с исходными данными и различными классификациями, а также семантические карты, на которых изображены функции показателей нестандартного отрицания в части исследованных языков.

Статья Ф. Кифера является исправленным и дополненным вариантом его прежней работы на ту же тему и посвящена дистрибуции и продуктивности привативного (каритивного) суффикса в венгерском языке. Новый вариант статьи, однако, по-прежнему не свободен от спорных моментов и странных утверждений: например, на с. 608 утверждается, что названия цветов вместо одного имеют множество антонимов. Автором выбрана риторическая стратегия, приводящая в конечном итоге к тому, что читатель остается в полной уверенности в том, что лексика и словообразование — вещи абсолютно бессистемные. Впрочем, утверждения о непредсказуемости описываемой деривации встречаются и в самом тексте статьи (с. 606).

Название статьи Ш. Шоша — «Отрицание в восточнохантыйских нарративах с точки зрения информационного потока» — с трудом осязаемо. Во введении и аннотации сообщается, что утвердительные и отрицательные предложения чем-то отличаются друг от друга, в частности, отрицание якобы вводит только данную информацию. К сожалению, содержание статьи не позволяет читателю убедиться в истинности этого положения. Работа содержит подробнейшее описание терминологии и методологии так называемого дискурсивного функционализма, множество графиков и подсчетов, однако всего лишь пять языковых примеров, из которых три иллюстрируют хантыйское отрицание в общем, а один, по словам автора, не поддается объяснению.

Наконец, статья Дж. Манцелли посвящена четырем возможным случаям интерференции в области отрицания между тюркскими и финно-угорскими языками, распространенными

на территории Волго-Камского бассейна. Рассматриваются отрицательный кондиционал в мокшанском и тюркских, отрицательные формы второго прошедшего времени в горномарийском, удмуртском и тюркских языках, перенос ударения при отрицании на первый слог в удмуртском и татарском, прохибитив в удмуртском и чувашском языках.

Несмотря на то, что сборник издан в целом весьма добротно, отдельные опечатки все-таки встречаются: *es nem* вместо *is nem* на с. 221, *is* вместо *ist* в немецком примере на с. 609, два идущих подряд артикля *the* на с. 479, неверные библиографические ссылки в статье Ш. Шоша. Кроме того, оформление некоторых примеров способно сильно запутать читателя. Прежде всего, это касается ряда примеров в статье о марийском отрицании, в частности на с. 340—341, где зачастую строка текста не соответствует строке перевода. Ошибки в глоссах тоже встречаются; больше всего их, как кажется, в примерах из тундрового немецкого, в особенности в статье Л. Веселиновой.

Рецензируемый сборник, фиксируя базовые факты об отрицании в значительном числе уральских языков, подводит своего рода черту под одним из этапов их изучения. Сетования на разрыв между традиционной уралистикой и современной лингвистикой, а также на неосведомленность типологов в данных уральских языков, высказанные редакторами во введении, пожалуй, не стоит принимать полностью всерьез. Совершенно очевидно, что сейчас существует не только традиция частного уральского языкознания и не только традиция сравнительно-исторических уральских штудий, но и традиция типологического описания уральских языков, и рецензируемая книга — яркое тому подтверждение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
CN — коннегатив
CAR — каритив
GEN — генитив
INDEF — неопределенность
NEG — отрицание

PART — партитив
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
PTCP.АКТ — активное причастие
SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Comrie 1981 — Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages. *Congressus quintus internationalis fenno-ugristarum*. Ikola O. (ed.). Pars VI. Turku: Suomen Kielen Seura, 1981. Pp. 350—355.
- Dahl 1979 — Dahl Ö. Typology of sentence negation. *Linguistics*. 1979. Vol. 17. No. 1—2. Pp. 79—106.
- Dixon 2016 — Dixon R. M. W. *Are some languages better than others?* Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Honti 1997a — Honti L. Die Negation im Uralischen I. *Linguistica Uralica*. 1997. No. 2. Pp. 81—96.
- Honti 1997b — Honti L. Die Negation im Uralischen II. *Linguistica Uralica*. 1997. No. 3. Pp. 161—176.
- Honti 1997c — Honti L. Die Negation im Uralischen III. *Linguistica Uralica*. 1997. No. 4. Pp. 241—252.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. *Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective*. (Empirical Approaches to Language Typology, 31.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2005.
- Wagner-Nagy 2011 — Wagner-Nagy B. *On the typology of negation in Ob-Ugric and Samoyedic languages*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 262.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011.